

ИНТОНАЦИЯ И ПУНКТУАЦИЯ В БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ИМПЛИКАТИВНОГО ТИПА: К ПРОБЛЕМЕ КОДИФИКАЦИИ

М. Я. Дымарский

Работа выполнена в рамках проекта «Создание проспекта научно обоснованного свода правил русской пунктуации» по гранту РФФИ № 22-28-01397.

Аннотация. В статье отстаивается тезис о необходимости более широкого учета интонационного принципа пунктуации не только при формулировании правил, но и для выявления реальной нормы, которая должна быть этими правилами зафиксирована. Предложения рассматриваемого типа разделены на две группы: 1) не допускающие вариативной интонации в первой части; 2) допускающие. Показано, что для конструкций первой группы восходящая vs. нисходящая интонация служит точным критерием разграничения употребления двоеточия и тире. Доказано, что примечание, легитимизирующее употребление тире на месте двоеточия в предложениях с семантической причиной, обоснования, изъяснения, разрушает правило и должно быть изъято из свода. Предложена новая формулировка правила для конструкций второй группы.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, интонация, пунктуация, двоеточие, тире, коммуникативно-информационная структура, норма, кодификация, узус

INTONATION AND PUNCTUATION IN ASYNDETIK COMPLEX SENTENCES OF IMPLICATIVE TYPE: MORE ON CODIFICATION

M. Ya. Dymarsky

The study is part of the project ‘The Development of Evidence-Based Russian Punctuation Handbook’ supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01397.

Abstract. The article defends the thesis about the need to take a broader approach to the intonation-based punctuation not only when formulating rules, but also when identifying the real norms fixed by these rules. The asyndetic complex sentences of implicative type fall into two groups: 1) those that do not allow variable intonation in the first part; 2) those that do. It is shown that for the first group, ascending vs. falling intonation serves as a precise criterion for distinguishing between the use of a colon or a dash. It is proved that the item that legitimizes the use of a dash in place of a colon in sentences with the semantics of reason, justification, and explanation destroys the rule and should be removed from the punctuation handbook. The article proposes a revised wording of the rule for the sentences belonging to the second group.

Keywords: asyndetic complex sentence, intonation, punctuation, colon, dash, communicative and information structure, norm, codification, usage

Введение

В ряде работ последнего времени рассматривается вопрос о применимости интонационного принципа при кодификации пунктуации (см.: [4; 5; 6]). Плодотворность пред-

лагаемого в них более широкого, нежели в действующей редакции свода [13], учета интонации при формулировании пунктуационных правил демонстрируется возможностью значительно упростить — с опорой на интонацию — группу правил, регламен-

тирующих постановку тире между составами подлежащего и сказуемого в простом предложении. Учет интонационного принципа может быть плодотворным и при обращении к пунктуации в бессоюзном сложном предложении (БСП). Задача этой статьи — показать продуктивность такого подхода применительно к конструкциям с семантикой имплицативного типа¹, которые требуют двоеточия при выражении отношений пояснения, причины, причинного обоснования и тире — при выражении временных, условных, результативных и других отношений:

(1) *Жаловаться квартирной хозяйке нельзя: какой месяц нет денег на уплату долга!* [С. Шноль. Михаил Семенович Цвет (1872–1919) // Знание — сила, 1997]²;

(2) *Не сделаешь — отправлю рапорт царю!..* [А. П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)].

Предметом обсуждения будет новелла, появившаяся в Полном академическом справочнике (ПАС), а именно примечание 2 к § 129: «В бессоюзном сложном предложении при обозначении пояснения, причины, обоснования, изъяснения допустимо употребление тире вместо двоеточия (особенно в художественной литературе и в публицистике)» [13; автор пунктуационного раздела — Н. С. Валгина]. Это примечание действительно явилось новшеством, т. к. ни в своде 1956 г. [12, с. 96–98, 100–104], ни тем более у Я. К. Грота [4, § 102, 115] подобного употребления тире не предусматривалось.

Исходные положения

Отправной точкой для рассуждений нам послужит положение, согласно которому следует различать три феномена: 1) узус,

¹ Подразумевается широкий круг отношений за пределами конъюнкции и дизъюнкции: условно-следственные, причинные (включая причинное обоснование), временные (содержащие элемент условной семантики), результативные (содержащие элемент следствия), изъяснительные, пояснительные.

² Примеры с указанием источника в квадратных скобках извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1].

2) норму и 3) кодификацию. (Уточним, что здесь и далее подразумевается только пунктуационная норма, входящая в совокупность норм литературного языка. Автор отдает себе отчет в том, что, говоря о понятии нормы, затрагивает вопрос, имеющий длительную историю изучения и ряд различных решений; от обсуждения этих решений его избавляет возможность сослаться на обзорные работы, например на исследование Т. А. Петровой [11].) Говорить об этом уместно потому, что второй и третий члены этой триады часто отождествляют, что ведет к ошибочным суждениям. Норма ни в каком смысле не тождественна кодификации: вторая стремится зафиксировать первую, но это удастся далеко не всегда, а, кроме того, кодификация обречена на отставание от подвижной, непрерывно изменяющейся нормы (ср. несколько иную интерпретацию в работе Л. П. Крысина [10]).

О сущности нормы А. Д. Шмелев пишет: «В триаде узус — норма — кодификация непосредственному наблюдению подвержены первый и последний члены триады: реальная речевая практика носителей языка и описание языковой нормы в нормативных справочниках. <...> Что касается нормы, она реконструируется на основе наблюдения над узусом и соотнесения данных наблюдений как с данными справочников, так и с эксплицитными суждениями носителей нормы (образованных носителей языка)»; «...само понятие о норме возникает, когда в узусе наблюдается (или хотя бы может наблюдаться) вариативность, так что у носителей языка возникает желание как-то оценить эти варианты. При этом существенно, что какие-то варианты оцениваются носителями языка как “неправильные” или хотя бы менее желательные. Для выработки нормативных рекомендаций существенно не то, какой вариант выбирает “некомпетентный” носитель языка, не знакомый с существующими рекомендациями, а то, как “компетентный” носитель языка (носитель нормы), опирающийся на рекомендации справочников и словарей, оценивает существующие варианты» [17, с. 17]. Норма, таким образом, — это

совокупность представлений компетентных носителей языка о том, какие из наличных вариантов использования предоставляемых системой ресурсов правильны или по меньшей мере допустимы. В отсутствие вариантов норма и ее кодификация неразличимы, что и ведет к их отождествлению; наличие же (возникновение) вариативности актуализирует понятие нормы и может вести к конфликту нормы и кодификации.

Появившийся в узусе вариант — в данном случае тире вместо двоеточия между частями бессоюзного предложения указанного типа — может быстро приобрести популярность, что создает впечатление изменения нормы. Кодификатор оказывается при этом в затруднительном положении: ему требуются критерии, которые послужат основанием для оценки нормативности нового варианта. Если он опирается только на известный критерий, который сама Е. С. Истрина в работе [9] столь прямо не формулировала, но который все же известен как «формула Истриной»: «норма определяется употребительностью при условии авторитетности источников», — то он рискует оказаться в плену именно у «авторитетности источников». Ведь под этим понятием подразумевается принадлежность к речевой элите: представителям творческих профессий, ученым, врачам, учителям, инженерам, библиотекарям и т. д., — но никаких количественных ограничений «формула Истриной» не предполагает, тем более что в середине прошлого века получить хотя бы относительно достоверные количественные данные о речевой практике хотя бы одного из слоев речевой элиты было невозможно. Между тем регулярное употребление некоторого варианта некоторой частью речевой элиты отнюдь не равнозначно употреблению этого варианта большинством. Легитимизируя такой вариант, кодификатор выдает его за новую норму, в то время как в реальности он лишь фиксирует узус некоторой части образованных носителей языка. Именно поэтому В. В. Виноградов настаивал на том, чтобы при выявлении нормы учитывались не столько внешние факторы,

сколько внутренние закономерности и тенденции развития языковой системы: то, «что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться “неправильным”, не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек» [3, с. 26].

К истории вопроса

Стоит попутно заметить, что на протяжении второй половины прошлого века в кодификации пунктуации было заметно нарастание разрешительной тенденции. После публикации свода правил 1956 г. возникла потребность в пособиях, разъясняющих смысл и алгоритмы применения зафиксированных в своде рекомендаций. Довольно быстро, в течение двух-трех десятилетий, ведущую роль среди подобных изданий стали играть книги, созданные с участием Д. Э. Розенталя [2; 14 и мн. др.]. Розенталь же, авторитет которого стал едва ли не абсолютным, в своих пособиях придерживался подхода, который можно назвать кодифицирующим, но с явным регистрирующим оттенком: он последовательно описывал не только кодифицированную норму, но и узус печати. Вот типичный пример: описывается случай постановки двоеточия в БСП, первая часть которого содержит глаголы, подразумевающие восприятие (С. Г. Ильенко называла такие предложения созерцательно-результативными [8, с. 303]):

«4. Между частями бессоюзного сложного предложения ставится двоеточие, если в первой части имеются глаголы *выглянуть, оглянуться, прислушаться* и т. п., а также выражения типа *поднять глаза, поднять голову*, предупреждающие о дальнейшем изложении (в этих случаях между частями предложения можно вставить слова *и увидел, что...; и почувствовал, что* и т. п.) <...> (следуют примеры. — М. Д.).

В этих случаях **вместо двоеточия встречается также постановка тире** для пере-

дачи различных дополнительных оттенков значения (полужирный шрифт мой. — М. Д.)» (следуют примеры) [15].

В Правилах 1956 г. в соответствующем параграфе (в издании [12] это § 162, с. 97) никакого упоминания о возможности тире в таких конструкциях нет.

Характерно при этом, что наличие «различных дополнительных оттенков значения» утверждается, но какие имеются в виду оттенки — остается неизвестным. Между тем увидеть какие-либо различия между примерами первой и второй серий (с двоеточием и с тире, соответственно), из которых можно было бы заключить, что это за оттенки, затруднительно, ср. по одному примеру из этих серий:

(3) *Лукашин остановился, посмотрел: во рву скапливалась вода* (Пан.);

(4) *Посмотрел на прорубь — вода дремала* (Шишк.).

Создается впечатление, что наличие «дополнительных оттенков значения» утверждается по принципу «если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно» (Маяк.). В реальности никакой закономерности, на основании которой был бы возможен сознательный выбор между двоеточием и тире в одной и той же конструкции, не выявлено и никакого алгоритма рассуждений не предложено. Единственный вывод, который может сделать пишущий, обратившийся к справочнику, — «можно и так, и так». Возможность алгоритмизации применения правила тем самым уничтожается. Это, в свою очередь, почти равносильно уничтожению самого правила: от него остается лишь требование в данной пунктуационной ситуации семантически нагруженного знака (двоеточия или тире), в противоположность семантически нейтральным запятой и точке с запятой. Таков один из примеров действия упомянутой разрешительной тенденции. Аналогичная ситуация с правилом об отмене тире между составами подлежащего и именного сказуемого при наличии сравнительного союза или отрицания продемонстрирована в [7]; там же более раз-

вернуто показано нарастание разрешительной тенденции при изложении и толковании кодифицированной нормы в течение полувека, отделяющего выход в свет свода 1956 г. от публикации Полного академического справочника.

Правило о двоеточии vs. примечание о тире

Перейдем к правилу о двоеточии в БСП с отношениями «пояснения, причины, обоснования, изъяснения». Как уже было сказано, ни в своде Я. К. Грота, ни в своде 1956 г. даже упоминаний о возможности в этом случае тире не было, рекомендации были однозначными. У Грота читаем:

«102. Двоеточіе ставится:

1. Передъ предложеніемъ, содержащимъ причину, слѣдствіе, доказательство или объясненіе предыдущаго, когда эти два предложенія не связаны союзами: потому что, такъ какъ, ибо и др.

Сержусь-то я на самого себя: самъ кругомъ виноватъ (Кап. д.).

Они сдержали слово: за глубокую полночь зажгли костры свои (И. Г. Р.).

Исторія есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губить, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ (Жук.)» [4, § 102].

Помимо прочего, Грот особо замечает: «Чертою не слѣдуетъ злоупотреблять, и безъ прямой въ ней надобности лучше пользоваться другими знаками» (чертой Грот называл тире) [4, § 115].

В своде 1956 г. находим:

«§ 161. Двоеточіе ставится после предложенія, за которымъ следуетъ одно или несколько предложеній, не соединенныхъ с первымъ посредствомъ союзовъ и заключающихъ в себѣ:

а) разъясненіе или раскрытіе содержания того, о чемъ говорится в первомъ предложеніи» (следуют примеры);

«б) основаніе, причина (должно быть *причину*. — М. Д.) того, о чемъ говорится в первомъ предложеніи» (следуют примеры) [12, с. 96]. Ни в этом параграфе,

ни в § 170–172, регламентирующих употребление тире в БСП [12: 100–101], повторим, никакого упоминания о допустимости тире вместо двоеточия при выражении отношений причины, обоснования, пояснения, изъяснения нет.

Н. С. Валгина включает в § 129 ПАСа цитированное выше прим. 2 о допустимости применения в БСП с отношениями пояснения, изъяснения, причины, обоснования тире вместо двоеточия. Отдавая себе отчет в рискованности вводимой новации, она сопровождает это примечание беспрецедентным количеством иллюстраций: 9 примеров из произведений К. Г. Паустовского и столько же «из произведений современных авторов и из периодической печати», т. е. всего 18 примеров — при том, что в других параграфах и примечаниях пунктуационного раздела количество примеров обычно не превышает семи, а в предыдущих сводах чаще всего равнялось трем.

Столь значительная роль, отведенная примерам из Паустовского, объясняется, надо полагать, тем, что признанный классик русской литературы XX в. был известен как тонкий стилист, уделявший в своих текстах большое внимание пунктуации и подчеркивавший важность правильной и точной расстановки знаков препинания: «Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это как нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться» (Золотая роза. Случай в магазине Альшванга). Не считаться с авторитетом замечательного писателя, разумеется, невозможно. Однако простые подсчеты показывают, что Паустовский, как и любой другой яркий писатель, не был чужд индивидуальных предпочтений. В тексте «Золотой розы» на 56 567 словоформ приходится 187 двоеточий и 1281 тире. Для сравнения: в тексте «Звезды» Эммануила Казакевича на 20 981 словоформу (объем текста меньше в 2,7 раза) приходится

186 двоеточий (практически столько же, сколько у Паустовского) и 424 тире (в три с лишним раза меньше). Конечно, информативность подобных данных весьма относительна: многое зависит от количества диалогов, от способа введения реплик, от количества однородных рядов с обобщающими словами и еще целого ряда факторов; и все же наличие индивидуальных предпочтений, скрывающихся за приведенными цифрами, представляется несомненным.

В тексте «Золотой розы» двоеточие в БСП используется 16 раз, и только в четырех случаях это конструкции с тем или иным оттенком причинных отношений:

(5) — *Пойдем смотреть грома!*

Он (мальчик. — М. Д.) был прав, сказав это слово во множественном числе: гроза была обложная, и гремело сразу со всех сторон;

(6) *Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя;*

(7) *А Мопассан, узнав тогда об этом от своего друга, не выгнал его, не дал ему пощечину, не вызвал его на дуэль, а только усмехнулся: история с девушкой показалась ему довольно забавной;*

(8) *Идти по мишрам надо осторожно: в глубоком мху торчат обломленные и заостренные временем, как пики, стволы березок — колки.*

Абсолютно же преобладает в таких конструкциях тире (или запятая и тире). Вот типичные примеры:

(9) *Дело, конечно, замяли, — престиж армии выше всего;*

(10) *Соседи даже не приходили к Шамету — у каждого хватало своих забот;*

(11) *Иногда дикие гуси, прилетевшие в этом году слишком рано, садятся на воду и кричат. Тревожный их крик далеко разносится по берегу, но не вызывает отклика — в прибрежных лесах зимой почти нет птиц;*

(12) *Жена осталась с детьми в Амстердаме — у него не было лишней копейки, чтобы взять их с собой.*

Учитывая явное предпочтение, которое Паустовский отдает тире, в том числе и в случаях, когда кодифицированная норма требует двоеточия, и в особенности учитывая тот факт, что иногда писатель демонстрирует владение этой нормой, можно утверждать, что перед нами осознанное отступление от последней, являющееся элементом авторской индивидуальности. Это и следует квалифицировать как авторскую пунктуацию, но не как новую норму, вопреки мнению Н. С. Валгиной, которая, кстати, немало сделала для обоснования самого понятия авторской пунктуации.

Что же касается примеров из текстов других авторов, то понятно, что подобрать их не составляло труда, поскольку названное отступление от нормы распространено в узусе едва ли меньше, чем неверное ударение в формах глагола *звонить*.

Существует ли, однако, возможность обосновать квалификацию тире на месте двоеточия именно как узуальное отступление от нормы, но не новую норму? Существует: достаточно обратить внимание на интонационное оформление компонентов рассматриваемой конструкции.

В «Русской грамматике» имеется описание интонационного оформления «бессоюзных соединений предложений» (т. е. БСП) [16, с. 650–656 (автор раздела Е. А. Брызгунова)]. Из этого описания прямо следует, что интонация в тех случаях, которые требуют постановки тире, и в тех, которые требуют двоеточия, кардинально различается.

Первая часть конструкции с условными отношениями, выражающая условие, производится с ИК-3 (примеры (13–26) — из указанного раздела; после примера приводится номер страницы):

(13) Позвонил ↗ бы Павел вчера — я бы поехал (651);

(14) Досидела ↗ бы до конца — он бы тебя и до дому довел (652).

Автор особо подчеркивает, что при смене ИК-3 на ИК-1 изменяется и значение конструкции: вместо условия выражается совет:

(15) Досидела бы до конца ↘, он бы тебя и до дому довел (652).

При смене ИК-3 на ИК-2 условные отношения замещаются семантикой желательности:

(16) Буря б утихла ↗ — отправились бы дальше (условие; 652);

(17) Буря б ↘↘ утихла, отправились бы дальше (желательность; 652).

Примеры (13–16) далеко не исчерпывают все возможности интонационно-смыслового варьирования БСП, перечисленные Е. А. Брызгуновой. Приводить их полный список здесь вряд ли уместно; важно подчеркнуть, что за определенной семантикой в системе строго закреплено и определенное интонационное оформление.

В БСП, выражающих временные отношения, первая часть также маркируется ИК-3:

(18) Домой ↗ пришли — уже темно было (652).

При выражении отношений сопоставления и несоответствия также используется ИК-3:

(19) Идет направо ↗ — песнь заводит, налево ↗ — сказку говорит (Пушк.) (652);

(20) Я был скромн ↗ — меня обвиняли в лукавстве (Лерм.).

Нет необходимости добавлять, что перечислены именно те случаи, в которых правилами требуется тире. Этот знак и в простом, и в сложном предложениях тесно связан с восходящей интонацией, прототипом которой является ИК-3.

Между тем БСП, выражающие другую группу отношений, требуют иного оформления первой части. При выражении изъяснительных отношений возможны ИК-1, ИК-2, «при подчеркивании качественно-характеризующего значения — ИК-5»:

(21) Я уверен ↘: вы останетесь очень довольны (654);

(22) И стало беспощадно ясно ↘↘: жизнь про шумела и ушла (654);

(23) И стало беспощадно ↗↘ ясно: жизнь про шумела и ушла (654).

При выражении отношений обоснования «части бессоюзного сочетания обычно

произносятся с интонацией завершенности, чаще — с ИК-2»:

(24) *Иван Африканович забеспокоился* ↘: *место было чужое* (654);

(25) *Я не хочу* ↘↘ *говорить с вами: вы грубы!* (654).

Легко видеть, что ИК-3 в первой части таких конструкций исключена.

Итак, при выражении отношений условных, временных, сопоставления, несоответствия, т. е. в тех случаях, когда кодифицированная норма требует постановки тире, первая часть конструкции произносится с интонацией незавершенности, чаще всего с ИК-3. Сюда примыкают и конструкции с семантикой следствия и результата:

(26) *Вы требовали* ↗ — *я должна была уступить вам* (А. Остр.) (649).

При выражении же отношений изъяснения, обоснования, причины первая часть конструкции произносится с интонацией завершенности — ИК-1 или ИК-2. Очевидно, что это различие системно закреплено; произвольная замена одного интонационного оформления другим или изменяет семантику конструкции, или разрушает ее. Например, если попытаться прочитать (22), заменив ИК-2 на ИК-3, получим бессмыслицу, которую не примет ни один носитель русского языка:

(22.1) **И стало беспощадно ясно* ↗ — *жизнь прошумела и ушла*.

Означает ли тире у Паустовского, что предложения вида (9–12) следует читать с ИК-3 на первой части? В этом случае они будут выглядеть так:

(9.1) **Дело, конечно, замяли* ↗, — *престиж армии выше всего*;

(10.1) **Соседи даже не приходили* ↗ *к Шамету* — *у каждого хватало своих забот*;

(11.1) **Иногда дикие гуси, прилетевшие в этом году слишком рано, садятся на воду и кричат. Тревожный их крик далеко разносится по берегу, но не вызывает отклика* ↗ — *в прибрежных лесах зимой почти нет птиц*;

(12.1) **Жена осталась с детьми в Амстердаме* ↗ — *у него не было лишней копейки, чтобы взять их с собой*.

Нет сомнений, что и сам писатель отнюдь не имел в виду подобного странного интонационного оформления. Он просто использует тире как знак, указывающий на тесную смысловую связь между частями БСП, и считает, по-видимому, его достаточным, то есть фактически отказывается от детализации смысловых отношений путем дифференцированного употребления тире и двоеточия. Он опирается, кроме того, на целую традицию повсеместного ненормативного использования тире, вопреки рекомендациям Я. К. Грота, сложившуюся в начале XX в. в известных кругах русских литераторов. Но такое использование тире разрушает системную связь между тире и восходящей интонацией незавершенности, с одной стороны, и двоеточием и нисходящей интонацией завершенности — с другой.

Строгая закрепленность определенного интонационного оформления за двумя семантическими группами БСП является системным основанием той пунктуационной нормы, которая была кодифицирована в сводах Я. К. Грота и 1956 г. Изменились ли в течение XX в. нормы интонирования БСП? Достаточно послушать аудиозаписи произведений классической и современной русской литературы, сделанные в течение последнего десятилетия, чтобы убедиться в том, что подобных изменений ни в малейшей степени не произошло: интонационные паттерны обладают значительным запасом устойчивости, и повсеместным использованием тире, в том числе на месте двоеточия, их не изменить.

Из сказанного с неопровержимостью следует, что примечание, введенное Н. С. Валгиной в параграф о постановке двоеточия в БСП с семантикой причины, изъяснения, обоснования, представляет собой попытку кодификации не новой нормы, а узуса, являющегося отступлением от реальной системно-языковой нормы. Поэтому в новой редакции свода пунктуационных правил представляется целесообразным от этой новации отказаться.

Двоеточие и тире в созерцательно-результативных предложениях

Если теперь вернуться к правилу о двоеточии в созерцательно-результативных БСП, комментарий Д. Э. Розенталя к которому цитировался выше, то следует признать, что они заслуживают отдельного обсуждения: в отличие от рассмотренных типов БСП, они допускают двоякое интонационное оформление. Соответственно, в зависимости от типа ИК в первой части БСП в них могут быть уместны как двоеточие, так и тире (использованы примеры Валгиной):

(27.1) *Однажды зимой вышел я и слышу* ∴: *стонет кто-то за оградой* (Пауст.);

(27.2) *Однажды зимой вышел я и слышу* ↗ — *стонет кто-то за оградой*;

(28.1) *Она испуганно осмотрелась* ∴: *никого* (Расп.);

(28.2) *Она испуганно осмотрелась* ↗ — *никого*;

(29.1) *Ольга посмотрела вперед* ∴: *ничего особенного* (Уст.);

(29.2) *Ольга посмотрела вперед* ↗ — *ничего особенного*.

Восходящий акцент ИК-3, будучи маркером незавершенности, усиливает связь между опорным глаголом, предполагающим восприятие, и второй частью, раскрывающей содержание воспринимаемого. Вряд ли можно говорить об усилении смысловой связи: она имеет место в любом случае, независимо от интонационного решения. Скорее, это связь прагматического характера, включающая такие элементы, как желание говорящего привлечь внимание адресата, усилить эффект ожидания «развязки»; возможно, выбор ИК-3 усиливает экспрессивность высказывания в целом.

При выборе нисходящих ИК-1 или ИК-2 усиления экспрессивности не происходит, высказывание в целом звучит, скорее, нейтрально.

Названные различия можно описать как различия в коммуникативно-информационной структуре БСП. Под коммуникативно-информационной структурой здесь подразумевается коммуникативная аранжировка инфор-

мации: количественно информация, передаваемая в (27.1–27.2, 28.1–28.2, 29.1–29.2), в каждой паре предложений одинакова, но различна ее коммуникативно значимая интерпретация. Каждая из частей БСП имеет собственное актуальное членение, но при этом между частями также может устанавливаться коммуникативная перспектива. При интонировании первой части с ИК-3 — интонацией незавершенности — эта часть приобретает характер гипертемы, по отношению к которой вся вторая часть становится гиперремой; собственное актуальное членение частей подавляется членением высшего порядка, уходит на второй план. При интонировании первой части с нисходящим движением основного тона (ИК-1, ИК-2, интонация завершенности) этого не происходит, актуальное членение каждой из частей сохраняет известную независимость от коммуникативной перспективы целого. Понятно, что в первом случае сложное высказывание более целостно, чем во втором. Это обеспечивается еще и тем, что в таких случаях первая часть мало распространена или вообще не распространена:

(30) *Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)];

(31) *Оглядываюсь — за столом сидит Гурченко, скромненько, в уголке* [Б. А. Красноперов. Стоп-кадр // Уральская новь, 2001];

(32) *Я оглянулся — жена целовальника плакала, прижав грудью к окну* [И. С. Тургенев. Певцы (1850)];

(33) *Я оглянулся — никакой собаки сзади не было* [В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].

Напротив, в высказываниях с достаточно распространенной первой частью, сохраняющей значимость собственного актуального членения, естественно использование нисходящего тона (ИК-1, ИК-2) и, соответственно, двоеточия. То же касается случаев, когда в первой части глагол, предвосхищающий восприятие, является одним из однородных сказуемых, связанных соединительным союзом. Поэтому использование тире в трех из следующих примеров представляется ошибочным:

(34) *Маргарита растерялась и отошла, а потом остановилась и оглянулась — «мальчик» провожал ее злобным взглядом* [Э. Русаков. *Мой маленький // Сибирские огни*, 2013];

(35) *На всякий случай я оглядываюсь: многие ребята переговариваются между собой, некоторые с вдохновенными лицами разглядывают экраны своих мобильных телефонов* [С. Н. Есин. *Дневник (2008)*];

(36) *Я поморщился и оглянулся — вроде на нас никто не смотрел* [Л. Каганов. *Танкетка (2011)*];

(37) *Я вздрогнул и оглянулся — за спиной никого не было* [В. Базанов. *Картина в багетной раме // Сибирские огни*, 2013].

Правило о знаке препинания в таких предложениях должно формулироваться отдельно от правил постановки знака в предложениях, не допускающих подобного интонационного варьирования. Выбор одного из двух возможных знаков следует прямо связывать с предпочитаемым интонационным оформлением первой части БСП. Формулировка может быть следующей:

В БСП, первая часть которых содержит глаголы *выглянуть, взглянуть, оглянуться, прислушаться, посмотреть* и под., сообщающие о восприятии чего-л. и допускающие вставку сочетаний *и увидел, что; и услышал, что; и почувствовал, что*, знак препинания выбирается в зависимости от интонационного оформления первой части. Если она произносится с подъемом тона, то ставится тире: *Я оглянулся ↗ — погоня не отставала*. Если же первая часть произносится с понижением тона, ставится двоеточие: *Я оглянулся ∨: погоня не отставала*.

В такой редакции правило становится легко применимым, т. к. алгоритм рассуждений и критерии выбора знака очевидны, — в отличие от редакции, зафиксированной в ПАСе.

Заключение

Применение интонационного критерия позволяет видеть, что сложные бессоюзные предложения с семантикой имплицативного типа распадаются на две неравные группы:

1) не допускающие интонационного варьирования первой части, 2) допускающие такое варьирование. Кодифицировать пунктуационную норму для этих групп необходимо раздельно.

Опора на интонацию позволяет выявить реальную норму, которую и следует закрепить в правилах. Применительно к первой группе конструкций она состоит в том, что в БСП с условными, временными, результативными, следственными, сопоставительными, противительными отношениями первая часть произносится с интонацией незавершенности, прототипом которой является ИК-3 и отражением которой на письме служит тире. Конструкции же с отношениями пояснения, изъяснения, причины, причинного обоснования требуют чтения первой части с интонацией завершенности, прототипом которой является ИК-1 и отражением которой на письме тире служить не может. Выбор знака в таких конструкциях диктуется тем, что точка и точка с запятой, которые тоже отражают нисходящую интонацию завершенности, не ассоциируются с имплицативной семантикой, почему двоеточие и остается единственным знаком, возможным в таких предложениях.

Применительно ко второй группе конструкций (созерцательно-результативного типа) норма заключается в интонационном разграничении двух видов коммуникативно-информационной структуры. В структуре с подавлением собственного актуального членения первой части, превращающей последнюю в гипертему сложного высказывания, используется интонация незавершенности; для этого случая в правилах следует кодифицировать постановку тире. В структуре, сохраняющей значимость собственного актуального членения первой части, используется интонация завершенности, и для этого случая в правилах следует предусмотреть двоеточие.

Общий же вывод состоит в том, что опора на интонационный принцип позволит изобразить описание пунктуации в бессоюзных сложных предложениях с семантикой имплицативного типа от противоречий и недо-

говоренностей, свойственных соответствующему разделу действующей редакции свода правил, и вернуть правилам обязательную для них алгоритмизируемость — свойство, без которого само понятие правила лишается смысла.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 01.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Былинский К. И., Розенталь Д. Э. Трудные случаи пунктуации. М.: Искусство, 1959. 231 с.
3. Виноградов В. В. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 3–40³.
4. Грот Я. К. Русское правописание. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/36WWG5> (дата обращения 01.08.2023).
5. Дымарский М. Я. Еще раз о системности пунктуации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 238–251.
6. Дымарский М. Я. Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / под ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского университета, 2021. С. 23–33. <https://www.doi.org/10.4467/23919981JM.21.003.14235>
7. Дымарский М. Я. К постановке тире в биноминативном предложении: случаи сравнительного союза и отрицания при сказуемом // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 312–324.
8. Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартыанова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис / под ред. С. Г. Ильенко. М.: Юрайт, 2016. 391 с.
9. Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 32 с.
10. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
11. Петрова Т. А. Теоретическое описание понятия «норма языка» в лингвистической литературе середины XX в. // Вестник Академии знаний. 2012. № 2. С. 55–63.
12. Правила русской орфографии и пунктуации. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. 176 с.
13. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
14. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. М.: Книга, 1967. 407 с.
15. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация. [Электронный ресурс]. URL: <http://old-rozental.ru/punctuatio.php?sid=150#pp150> (дата обращения 04.08.2023).
16. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
17. Шмелев А. Д. Вопросы пунктуации в работе Орфографической комиссии Российской академии наук: лингвистические основы кодификации // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / под ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского университета, 2021. С. 15–21. <https://www.doi.org/10.4467/23919981JM.21.002.14234>

SOURCES

1. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka. [Elektronnyj resurs]. URL: www.ruscorpora.ru (data obrashcheniya 01.08.2023).

³ Статья является редакционной и не подписана именем конкретного автора, поэтому указание имени В. В. Виноградова опирается только на тот факт, что он был главным редактором журнала, и на определенную традицию цитировать эту статью как работу В. В. Виноградова.

REFERENCES

2. *Bylinskij K. I., Rozental' D. E.* Trudnye sluchai punktuatsii. M.: Iskusstvo, 1959. 231 s.
3. *Vinogradov V. V.* Zadachi sovetskogo yazykoznaniya v svete trudov I. V. Stalina i zhurnal «Voprosy yazykoznaniya» // *Voprosy yazykoznaniya*. 1952. № 1. S. 3–40.
4. *Grot Ya. K.* Russkoe pravopisanie. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elck.ru/36WWG5> (data obrashcheniya 01.08.2023).
5. *Dymarskij M. Ya.* Eshche raz o sistemnosti punktuatsii // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. 2021. № 3. S. 238–251.
6. *Dymarskij M. Ya.* Intonatsionnyj printsip russkoj punktuatsii i ego primenenie v formulirovkakh pravil // *Yazyk i metod. Russkij yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte / pod red. D. Shumska, K. Ozga*. Krakov: Izd-vo Yagellonskogo universiteta, 2021. S. 23–33. <https://www.doi.org/10.4467/23919981JM.21.003.14235>
7. *Dymarskij M. Ya.* K postanovke tire v binominativnom predlozhenii: sluchai sravnitel'nogo soyuza i otritsaniya pri skazuemom // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2023. № 3. S. 312–324.
8. *Il'enko S. G., Dymarskij M. Ya., Mart'yanova I. A., Stolyarova I. V.* Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis / pod red. S. G. Il'enko. M.: Yurajt, 2016. 391 s.
9. *Istrina E. S.* Normy russkogo literaturnogo yazyka i kul'tura rechi. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. 32 s.
10. *Krysin L. P.* K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2017. № 2 (12). S. 20–31.
11. *Petrova T. A.* Teoreticheskoe opisanie ponyatiya “norma yazyka” v lingvisticheskoy literature serediny XX v. // *Vestnik Akademii znaniy*. 2012. № 2. S. 55–63.
12. *Pravila russkoj orfografii i punktuatsii*. 2-e izd. M.: Uchpedgiz, 1962. 176 s.
13. *Pravila russkoj orfografii i punktuatsii*. Polnyj akademicheskij spravochnik / pod red. V. V. Lopatina. M.: AST, 2009. 432 s.
14. *Rozental' D. E.* Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoj pravke: dlya rabotnikov pečhati. M.: Kniga, 1967. 407 s.
15. *Rozental' D. E.* Spravochnik po russkomu yazyku: orfografiya i punktuatsiya. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://old-rozental.ru/punctuatio.php?sid=150#pp150> (data obrashcheniya 04.08.2023).
16. *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2. Sintaksis*. M.: Nauka, 1980. 710 s.
17. *Shmelev A. D.* Voprosy punktuatsii v rabote Orfograficheskoy komissii Rossijskoj akademii nauk: lingvisticheskie osnovy kodifikatsii // *Yazyk i metod. Russkij yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte / pod red. D. Shumska, K. Ozga*. Krakov: Izd-vo Yagellonskogo universiteta, 2021. S. 15–21. <https://www.doi.org/10.4467/23919981JM.21.002.14234>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ДЫМАРСКИЙ Михаил Яковлевич — *Mikhail Ya. Dymarsky*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: [8662-7550](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57131173400), Scopus AuthorID: [57131173400](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57131173400), ORCID: [0000-0002-1796-7686](https://orcid.org/0000-0002-1796-7686), e-mail: dym2005@list.ru

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка.

Поступила в редакцию: 9 августа 2023.

Прошла рецензирование: 27 августа 2023.

Принята к печати: 26 октября 2023.